

святитель Григорий Нисский

На свое рукоположение святитель Григорий Нисский

Служение духовному пиру дошло и до нас, способных более пользоваться услугами других, нежели себя предлагать в услугу другим. И я всячески упрашивал освободить меня от таких даней по убожеству моему в слове, ссылаясь на некий закон пиршеств. Ибо слышу, что, когда готовится круговой пир с общим ужином, распорядители учреждения, если кто в списке угощаемых беден, приглашают его на ужин, освобождая от общего вклада. Так хотелось бы и мне насытиться пищею богатых. Но поскольку прекрасный и богатый этот учредитель пира не щадит и нас, но повелевает служить, то скажу ему: «Друже, даждь ми взаим... хлебы твои» (Лк. 11:5), а хлебами называю содействие молитв. Ибо слух ваш, услаждавшийся духовными этими сотами, можно ли удовлетворить убогим и скудным словом? Может быть, лучше было бы, если бы, как в телесной борьбе (а там одним сильным принадлежит поприще, прочие же бывают зрителями подвигающихся), так и на духовное это поприще уготовлялись в подвижники одни преисполненные силою святых. А если кто походить будет на меня, у которого и волос сед, и сила от времени ослабла, речь запинаяется и дрожит, тому пусть позволяют увеселяться подвигами борцов. Посему не продлим для вас, братия, этого вступления; вы исполнены удивления к предшественникам. «Се, сыты есте, се обогатистесь» (1Кор. 4:8), насытились вы сладостей потому, что ими напитало вас предшествующее слово. Потому, может быть, бесполезную сытость к сытости прибавляло бы оно, сверх златых речей как бы свинцовыми какими монетами обременяя память, разве только в содействие красоте служит нередко и худшее вещество, примешанное к лучшему, доказательство этому близко. Видишь ли этот над головою свод? Как прекрасен на вид! Как красиво на резьбе блестит позолота! И этот свод, по видимости, весь золотой, исписан какими то кругами с многоугольниками, покрытыми лазурью. Что же производит у художника эта лазурь? То, думаю, что золото, когда видим, что оно перемешано с красками, больше блестит. Поэтому если лазурь, перемешанная с золотом, сияние его показывает прекраснейшим, то, может быть, не неблагоприятно будет к светлости произнесенных прежде речей

приписать и черную нашу черту. Вот вам наше вступление. Теперь слушайте.

Слышу, что великий Моисей, когда воздвигал скинию у израильтян, и этот Веселиил, который от "Духа Божия» (Исх. 31:3) имел неизученную наукою мудрость зодчества, предлагают богатым и бедным сообща сделать пожертвование, и собирают у богатых золото, багряницу и дорогие камни, но не отвергают и бедными жертвуемые деревья, кожи и козьи волосы. И не неблагоприятно, может быть, напоминание этого сказания. Ибо мысль, которая пришла мне на сердце, хочу предложить всему собранию. Веселиил Духом Божиим из неученого соделался мудрым, ибо так говорит история. Поэтому да слышит духоборец: Божиим нарекий Духа Святого, Которого сошествие как бы некий след, отпечатлевает в душе благодать мудрости, неужели названием Божия оскорбляет достоинство Духа? Неужели заставляет думать о Нем что-либо малое и унижительное? Что из тварей означается этим именем? Не думает ли он, что Божество приобретено Духом? Не представляет ли себе простого и несложного чем-то двояким и сложным? Но, может быть, невозможно согласиться на такие предположения? Напротив того, и он признает, конечно, что Дух, будучи Божиим, и есть, и именуется таковым по естеству. Видишь ли, как сама собою открывается тебе истина? Но христианская проповедь не знает многих Божиих естеств, иначе по всей необходимости выдумал бы и многих Богов, потому что невозможно представить себе многих Богов, если о множестве Богов не возвещает инаковость естества. Поэтому если, по верованию всех, естество Божие одно и Дух Святой по естеству Божий, то для чего разделяешь в слове соединенное естеством? Но кто даст мне силу того слова, концом которого – спасение слушающих? Одно слово провозгласил иерусалимлянам Петр, и столько тысяч человек простертым к ним словом уловлено в мрежу рыбака. А так много и таких слов тратится учителями у нас, и какое приращение спасаемых! Исчезающее исчезает, говорит некто из пророков, умирающее умирает (Зах. 11:9), заблудший не возвращается, союз любви расторгнут; похищен мир из сокровищниц наших. О, какое бедствие! Не могу не восстенать от страдания! Достоянием нашим была некогда любовь – это отеческое наше наследие, которое через учеников своих сокровищем нашим соделал Господь, сказав: «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга» (Ин 13.34). Это наследие последующие преемники, получая каждый от отцов, хранили и до наших отцов; этот только развращенный род не соблюл его. Как из рук наших утекло и исчезло это богатство нашего жития? Обнищали мы любовью, и другие гордятся нашими благами. «Возревновал на

беззаконныя», – так говорит псалмопевец (Пс 72.3). А я, изменяя несколько сказанное, прочту так: «Возревновах на беззаконныя», возревновах, «мир грешников зря». Они тесно соединены друг с другом, а мы друг от друга отделяемся. Они взаимно себя ограждают, а мы разрушаем свою ограду. Наше похитив достояние, грабитель душ отнес и поверг врагам истины, не им оказывая благодеяние (никто да не подумает этого! Изобретатель зла не может сделаться благодетелем), но чтобы их привести в худшее состояние согласим во зле.

Но «что... ми... внешних судити?» – говорит изрекший это (1Кор 5.12). А я как без слез перенесу отчуждение братии? Как ушел, оставив отеческое имение, юный этот брат? Как этот другой после описанного в Евангелии, хотя душевную юность прикрывает телесною сединою, удалился «на страну далекую» (Лк 15.13), бежав от веры? Как уходит, сам отделив себе половину отеческого имения тем, что высокие догматы низвел до низких и свиных понятий, иждив богатство с еретическими блудодейцами? Ибо ересь – блудодейца, сладострастными любимыми удовольствиями. Если придет когда в себя, как и тот блудный сын, если опять пожелает отеческой снеди, если возвратятся к богатой трапезе, где много насущного хлеба, питающего наемников Господних (а Божии наемники – все те, которые по надежде обетования возделывают виноградник Божий), с какою поспешностью не один отец побежит к нему, но столько отцов выйдут навстречу, будут обнимать, с любовью целовать его! Припасена первая одежда веры, которую исткали прекрасно потрудившиеся для Церкви триста восемнадцать душ; там на руку перстень, имеющий изображенную на себе печать веры: там лики, телец, стройное пение и все прочее, о чем сказано в Евангелии, кроме братней зависти! Но для чего напрасно измышлять нам для себя сонные эти мечты? Сердца братии ожесточены и пребывают в упорстве, ссылаются на общих отцов и не принимают следующего от них наследия, изъявляют притязание на общее благородство и чуждаются родства с нами. Противятся врагам нашим, но и нам неприязненны; соделавшись чем-то средним между нами и врагами, они – и ни то, и ни другое; и вместе то и другое; и правого учения не исповедуют, и гнушаются имени еретиков. Странное дело! Равно объявили войну и истине и лжи, подобно какому-то дереву без корня, легко при противоположных устремлениях склоняясь на ту и на другую сторону. Слышу, что Евангелист Иоанн в таинственных писаниях говорит таковым загадочно, что в точности должно непременно гореть духом и быть хладным для греха. О «дабы студен был еси или горящ!» – говорит он (Откр 3.15). А что ни тепло, ни холодно, но близко к

тому и другому, то возбуждает тошноту и рвоту. Какая же тому причина, что древле при учениках великое множество приводится в Церковь Господом, а ныне длинные и приукрашенные речи учителей остаются без результата?

Иной, может быть, скажет: тогда содействовали апостолам чудесные дела и учение приобретало достоверность по причине дарований. Согласен и я, что сила дел служит великим побуждением к доверию. Но что же надлежит думать о совершающемся ныне? Не видишь разве подобных чудес веры? Ибо себе присваиваю преспеяния служителей наших, которые тем же духом водятся в силе исцелений. Об истине этого слова свидетельствуют мужи, приходящие из земли чуждой, сограждане отца нашего Авраама, оставившие Месопотамию, исшедшие также «от земли... и от рода» своего (Деян. 7:3), даже из всего мира, взирающие на небо, переселяющиеся некоторым образом из естества человеческого, ставшие выше естественных страстных расположений, столько касающиеся настоящей жизни, сколько это необходимо, большею же частью парящие ввысь с бесплотными силами, престарелые видом, достопочтенные по наружности, сияющие сединою, молчанием заграждающие уста, не умеющие вести словопрений, не учившиеся совопросничать, – такую имеют они власть над духами, что совершают чудеса одним изволением, и демоны уступают не искусству умозаключений, но власти веры, не доводимые до трудности прекословить, но изгоняемые во тьму кромешную. Так умозаключать умеет христианин! Вот преспеяния нашей веры! Итак, почему же не убеждаемся мы, если благодать исцелений преизобилует, если учение слова преизбыточествует? «Вся же сия действует един и тойжде Дух, разделяя особо коемуждо, якоже хочет» (1Кор. 12:11). Почему же не бывает приумножения спасающихся? И никто да не помыслит настоящую благодать признавать малою! Вижу виноградник преукрашенный, многоветвистый, изобилующий плодом, вижу ниву волнующуюся множеством колосьев, жатва густа, сноп зрел, посев обилен. Но что же делается со мною? Естество мое ненасытимо подобным этому, и я страдаю страстью богатолюбцев. Никакой предел обилия не останавливает вожделения. Непрестанно прибывающее возбуждает пожелание большего, служа под гнетом к вожделению большего. Веселит меня видимое, восхищаюсь тем, что есть, и скорблю о том, чего нет; общая какая-то страсть, смешанная из противоположностей, объемлет душу, потому что удовольствие сорастворено с печалью. Если обращаю взор к вам, в вас успокаиваю рвение, если подумаю о прочем, нет у меня сил оплакать бедствие. Люди, оставив то, чтобы насладиться

«Господеви» ([Пс 36.4](#)) и веселиться миру Церкви, ведут тонкие разыскания о каких-то сущностях и измеряют величины, измеряя Сына сравнительно с Отцом и избыток меры уступая Отцу. Кто скажет им: неколичественное не меряется; невидимое не оценивается; бесплотное не взвешивается; беспредельное не сравнивается; несравнимое не допускает до себя понятия о большем или меньшем, потому что большее познаем из взаимного сравнения вещей между собою; а у чего недостижим конец, в том немислимо и большее. Слышал я псалом, сообщая воспевая который вошли мы: «Велий Господь..., и велия крепость Его, и разума Его несть числа» ([Пс 146.5](#)). Что же это значит? Исчисли сказанное и уразумеешь тайну. «Велий Господь», а не сказал, какая Его величина, потому что невозможно было и сказать ее количества, но неопределенностью значения возводит мысль к беспредельному. А так же говорит: «Велия крепость Его». Слыша о крепости, разумей силу. Христос же есть Божия сила и Божия премудрость ([1Кор 1.24](#)). Но «разума Его несть числа». Исаия ясно истолковывает слово "разум", говоря: «Дух премудрости и разума» ([Ис 11.2](#)). Слышу, что в блаженствах ублажается жаждущий ([Мф 5.6](#)) Господа. Поэтому, может быть, не безвременно и то, что у меня на уме (примите мое слово), хотя, по-видимому, и не идет это к настоящему.

Если кто совершает путь среди полдня, когда солнце знойными лучами опалает голову и жаром иссушает все влажное в теле, а под ногами у идущего лежит земля жесткая, неудобопроходимая, безводная, потом же такому человеку встретится источник, из которого прекрасная, прозрачная, приятная, прохлаждающая струя льется обильно, – то неужели сядет он у воды и начнет любомудрствовать о ее естестве, доискиваясь, откуда она, как, отчего, и о всем тому подобном, о чем обычно рассуждать празднословам, а именно что некая влажность, распространенная в земной глубине, пробивающаяся вверх и сгнетаемая, делается водою, или что жилы, проходящие дольными пустотами, как скоро отверстия их делаются свободными, изливают воду? Или, распротившись со всеми рассуждениями, приклонит голову к струе и приложит уста, утолит жажду, прохладит язык, удовлетворит желанию и возблагодарит Давшего сию благодать? Поэтому подражай и ты этому жаждущему. Скажи: «И речено», как и действительно изречено: «блажени... жаждущий» ([Мф.5:6](#)), и дознав, какие и сколь многие блага источает Святой Дух, сделай то же, что и пророк, "отверзи уста твои и привлеки дух" ([Пс 118.131](#)), «расшири уста твоя, и исполни я" ([Пс 80.11](#)), имея власть над дарованиями. Хочешь ли знать, сколько благ изливается из источника Духа? Бессмертие души, вечность жизни, Царство Небесное, непрекращающееся веселье, радость,

не имеющая конца. Но, обращая взор на то, что предстоит мне, я ущерб в остальном признаю маловажным. Наполнен у меня благами дом, сокровищницы наполнены аравийского злата; а, может быть, скоро придут и послы из Египта и предупредят вознести руки свои к Богу и царства земные вместе с нами воспоют победную песнь Призывающему всех в царствие Его. Ему слава и держава во веки! Аминь.

Содержание

святитель Григорий Нисский На свое рукоположение	1
святитель Григорий Нисский	